

γενεῶν παρὰ πατρὸς πληθύνει
τοῦ Ἰωάννου μαρτυροῦν περὶ αὐτὸν ὅτι ὄνεν ὅτι πτοῦ ἡμεῖς ὅτι ὁ ν ἰλήθεια ἰ λόγος καὶ ἰ αὐτοῦ ἐν ὁ γέ ῆτων ἀν καὶ ἡ σκ ῆς ἀπεσ οὔτος ἰ τοῦ φ

κεν αὐτοῖς ἐξουσίαν εἰς τὴν ἕκ θεῖος ἀσὰρξ ἐγίσταμεθα ἰς παραπατρός πληρῶν Ἰωάννη ὁ ὀπίσω ὁ δὲ πρᾶ ἡμεῖς πάν ὁ νόμος εἰα δια Ἰεὸς καὶ ὁ λόγος

Информационно-просветительская газета Рязанской епархии

В ожидании праздника



Стр. 11

«Я сначала упрямилась...»



Интервью с поэтом, музыкантом и педагогом Софьей Никулиной стр.6

«Страсти Христовы»:



почему священник не советовал этот фильм стр. 3

Древний Иерусалим



глазами археолога стр.8

Фото: Марина СТРОТОВА

Уже сегодня



Митрополит
Рязанский
и Михайловский Марк

Беспричинная, безосновательная агрессия и злоба. Злоба, пригвоздившая Сына Божия ко Кресту. Мы слышали о том, как весь народ, научаемый своими религиозными вождями, кричал и требовал: «Распни! Распни!». И это кричал народ, который был избран Богом, чтобы нести истинное поклонение Ему среди всех людей земли.

Ожесточение позже пройдет. И многие из толпы потом – как повествуют евангелисты – после этого позора и безумия возвращались домой, бия себя в грудь. Но это безумное состояние пригвоздило Спасителя ко Кресту. Ко Кресту был пригвожден Сын Божий – воплощенная Любовь, воплощенная Истина.

Кто же сохранил остатки благоразумия в эти страшные, трагические часы? Разбойник. Для того, чтобы еще больше унижить Иисуса Христа, первосвященники требовали распять Его вместе со злодеями. И Христос был распят посреди двух разбойников – так Его пытались причислить к обычным уголовникам.

И вот мы видим, что один из распятых поносил Христа и издевался над Ним. Но другой – оступившийся, падший человек – сохранил остатки здравого смысла и совесть. И он ответил своему товарищу-разбойнику: мы-то, мол, получили по заслугам, а Этот – страдает ни за что. И обратившись ко Христу, благоразумный разбойник сказал великие слова: «Помяни мя, Господи, когда придешь в Царство Твое».

Слово архипастыря

Во время чтения Евангелия о страданиях Господних перед нами проходят события, которые мы всегда вспоминаем в Страстную Пятницу: море людской злобы и ненависти, вдруг обрушившееся на Божьего Избранника – на Сына Божия.

Разбойник, уголовник, бандит увидел во Христе Мессию, в то время, как религиозные вожди, первосвященники, книжники, учителя и ревнители – все отвернулись от Него и все кричали: «Распни!».

И мы слышим кроткий глас Спасителя: «Сегодня же будешь со Мною в раю». Он говорит как власть имеющий: не как пророк, но как Мессия и Сын Божий.

Слово «сегодня» не единожды появляется в Евангелии от Луки в самые ответственные моменты. С точки зрения древних евреев, наследником небесного Царства можно стать только когда закончится история мира и Бог возьмет в рай Своих избранных. Но это люди живут во времени, у Бога же нет времени – Он Сам его Творец и пребывает вне времени. Для Бога всегда «сегодня». И мы сегодня стоим перед образом Креста

“ Разбойник, уголовник, бандит увидел во Христе Мессию, в то время, как религиозные вожди, первосвященники, книжники и ревнители – все отвернулись от Него и все кричали: «Распни!»

Господня и восклицаем, обращаясь к Нему словами благоразумного разбойника: «Помяни мя, Господи...»

Господь на Кресте явил Свою славу и любовь. Господь пребывает на небесах вместе со Своим Отцом, и для Него всегда – сегодня. В Евангелии есть слова: «Царство Божие внутри вас есть», то есть оно – внутри нас. И мы призваны быть участниками этого Царства уже здесь, на земле. Уже сегодня.



Фото: Марина СТРОТОВА



Фото: Марина СТРОТОВА

Исповедь на Пасху

О чем важно знать, собираясь причаститься на Пасху



Елена ФЕТИСОВА

Бывает так, что люди, впервые решившие поститься в Великий пост, потом решают и впервые причаститься – на Пасху. Но придя в храм на пасхальную службу со списком грехов «за всю сознательную жизнь», они сталкиваются с неожиданной проблемой. В храме в это время может либо уже не быть исповеди, либо она есть, но... Но желающих так много, что надежда успеть – невелика.

Еще до революции установилась традиция исповедоваться не в самый день Пасхи, а заранее, например – в Великую Среду. Вообще важно понимать, что временем самого внимательного покаяния были дни Великого поста, а уже в Страстную седмицу со среды даже прекращается чтение покаянной молитвы святого Ефрема Сирина. Фокус внимания христиан должен переключиться с личного по-

каяния на молчаливое молитвенное созерцание Страстей Христовых. А после – на благодарное принятие пасхальной радости. Предпасхальные дни так насыщены важными, единственными в году службами, что будет правильно подготовиться к ним заранее: заранее принести внимательное покаяние, чтобы не омрачать Пасху, создавая несвоевременную очередь к исповедующему священнику.

В 2015 году на Архиерейском Совещании был принят документ «Об участии верных в Евхаристии», подтверждающий: «...в соответствии с практикой, сложившейся во многих приходах, духовник может благословить мирянина причаститься Тела и Крови Христовых несколько раз в течение одной недели (например, на Страстной и Светлой седмицах) без предварительной исповеди перед каждым причащением кроме ситуаций, когда желающий причаститься испытывает потребность в исповеди».

Конечно, исповедь для опоздавших «работников последнего часа» всё равно состоится. Но для постоянных прихожан правильным будет исповедоваться заранее, не в самую Пасху, и дать священникам возможность в день праздника побеседовать с теми, кто по незнанию пришел на исповедь едва ли не впервые.



Отвечает священник
Димитрий ФЕТИСОВ,
главный редактор
газеты «Логосъ»

БезОбразно - не безобрАзно

Почему Церковь настороженно и даже как будто отрицательно относится к фильму Мэла Гибсона «Страсти Христовы»? Ведь он так актуален для времени Великого поста, когда мы вспоминаем о страданиях Спасителя...

Да, действительно в церковной среде довольно настороженное отношение как к этому фильму, так и вообще к идее экранизации Евангельских событий, в которой Спасителя будет играть артист. Причин тому несколько.

Во-первых, всякого рода пересказ Евангелия в какой бы то ни было форме – это всегда определённая интерпретация. Я, или другой священник, на проповеди пересказываю Евангелие и таким образом интерпретирую его. То есть, выделяю ту сторону, которая в данный момент мне кажется важнейшей в контексте проблем современного человека – меня самого и моего реального прихожанина.

Вопрос только в том, в каком духе я провожу этот пересказ: в духе православной традиции, или же какого-либо другого, субъективного, на наш православный взгляд, понимания. Например, католического.

Дело в том, что чрезмерно экзальтированный упор на сопереживание страданиям Христа делает именно католическая традиция. Там есть даже определённые духовные упражнения, во время которых христианин должен себе представлять события, произошедшие на Голгофе, стараясь максимально сопереживать им. У некоторых католических подвижников в результате таких медитаций сверхъестественным образом появляются стигматы – раны в тех местах тела, в которые был уязвлен Господь.

Православная же традиция настаивает на том, что сфера чувств очень важна, но при этом поверхностна. Она раньше всего разрушается в человеке грехом и позже всего восстанавливается. Ей нельзя доверять в полной мере. Ведь человек сколько угодно может чув-



Фото: Марина СТРОТОВА

ственно и слезливо сопереживать благородному герою или героине сентиментального романа, но на реальную его жизнь это вряд ли повлияет.

Поэтому православная традиция обращается прежде всего к уму человека. И именно оттого страдания Господа (а также Иоанна Крестителя, Вифлеемских младенцев, архидиакона Стефана и других святых людей) в Священном Писании описываются довольно схематично. Хотя, если бы их описывал именитый голливудский режиссёр, они обязательно бы были преисполнены разного рода подробностями и штампами.

Представьте себе сценарий фильма про Иоанна Крестителя. Капающая вода, свет, пробивающийся сквозь узкую темничную решётку и падающий на измождённое, с выступающими скулами и впалыми глазами лицо

пророка. Шаги приближающегося спекулятора, для которого отрубить голову ни в чём не повинному праведнику – всё равно, что сорвать зрелое яблоко с ветки.

А дальше гвоздь программы, ради которого многие

и пойдут в театр и поставят рекорд по кассовым сборам – отрубание головы... И тому подобное.

Мы видим, что ничего подобного нет в самом Евангелии: «Царь опечалился, но ради клятвы и возлежавших с ним не захотел отказать ей. И тотчас, послав оруженосца, царь повелел принести голову его. Он пошел, отсек ему голову в темнице, и принес голову его на блюде, и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей. Ученики его, услышав, пришли и взяли тело его, и положили его во гробе» (Мк. 6: 26-28).

Обратите внимание как в православной и католической традиции изображают само распятие. У нас Иисус Христос хотя распят, но уже как бы во славе – Он как бы парит на Кресте, обнимая широким жестом всё человечество. В римском же католицизме нередко изображают провисшего, или выгнутого в предсмертной конвульсии измученного страдальца.

Православная Церковь в день смерти Спасителя на Литургии Великой субботы поет: «Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом...» – это призыв к молитвенному

сосредоточению, а не мелодраматическим рыданиям. Даже ангельские силы, как сказано далее в этом же песнопении, закрывая лица, поют – «Аллилуйя», то есть они в первую очередь славят Бога, даже ужасаясь Его страданиям.

Кроме того, мы не считаем уместной ситуацию, когда воплотившегося Сына Божьего играет артист. И дело не только в том, что это некоторым образом уничтожает образ Спасителя (ведь этот же артист потом может играть уже гангстера в боевике), а ещё и в том, что кинографический образ потом будет представляться зрителю во время молитвы. А наша молитва, по учению святых отцов, должна быть безобразной (хотя чаще она бывает безобрАзной).

Поэтому тем благочестивым людям, которые желают отрезвить свою душу воспоминанием о страшной драме, произошедшей два тысячелетия назад на Голгофе, я рекомендую просто прийти и прослушать двенадцать страстных (то есть повествующих о «Страстях» – страданиях Богочеловека) Евангелий. Эти двенадцать евангельских отрывков в храмах читают в Великий Четверг вечером.



Фото: Марина СТРОТОВА



Священник Даниил
МАСЛОВ

Священное Предание Церкви

Почему «преданья старины глубокой» – неподходящая ассоциация?

Существует ряд слов в русском литературном языке, которые с течением времени изменили своё значение по сравнению с их древним употреблением. Некоторые из этих слов встречаются не только в русском, но и церковнославянском языке. К их числу относятся слова «смирение», «глумление», «страсть», «благодать», «любовь» и некоторые другие. Иногда различия в значениях могут быть не большими, а иногда очень существенными. К примеру, в современном русском языке «смирение» означает покорность чужой воле, иногда граничащее с отчаянием, а в церковнославянском – это добродетель, рождающаяся от осознания своего несовершенства перед Богом. «Глумление» в обычной речи означает насмешку, издевательство, а в церковнославянском языке – размышление, рассуждение над чем-либо.

Более того, немало слов из церковнославянского языка являются терминами христианского богословия. Одно из таких слов – «предание». В данной статье поговорим о том, что такое Священное Предание, чем оно отличается



Энрике Симоне «Се восходим во Иерусалим...»

от других преданий и какое отношение к нему имеет Священное Писание.

Предание как передача

Само звучание слова «предание» говорит о некоей передаче чего-либо. В словарях Даля и Ожегова мы найдём схожие определения: предание – это устное повествование, передающееся из поколения в поколение. Первые ассоциации, которые приходят

человеку в голову – это обычаи, суеверия, сказки, былины, народные песни.

Однако ярким примером предания в нашем современном обществе вполне может являться воспитание: родители воспитывают своих детей не по каким-либо письменным методическим руководствам, а, как правило, по тому образу и воспоминаниям, которые переняты самими родителями от их предков. И в данном случае

воспитание – это очень широкое понятие. Сюда входят правила приличия, понятия о хорошем и плохом, сказки и поговорки, колыбельные перед сном, даже шутки, рассказы и анекдоты, и очень многое другое. Между тем из поколения в поколение характер воспитания менялся. До революции он был одним, после революции – другим, во время и после Великой Отечественной войны он снова резко поменялся. Даже события прошедших нескольких десятилетий внесли радикальные изменения: у воспитания до эпохи повсеместного распространения интернета был один характер, а после он заметно изменился и, можно сказать, сейчас только продолжает своё формирование. Наконец, среди одного поколения граждан можно увидеть людей с очень различным воспитанием.

Такой взгляд на понятие предания чаще всего сбивает с толку, когда разговор заходит о Священном Предании Церкви: если любое предание передаётся устно, то неминуемы искажения в виде прибавлений, заим-

ствований и прочего, чему мы можем быть свидетелями на примере воспитания. А значит ли это, что и Священное Предание таким же образом подвержено искажению? Как раз в этом вопросе нам необходимо разделить понятия.

Священное Предание Церкви

Как пишет святитель Филарет Московский в книге «Катехизис Православной Церкви», которая служит одним из наиболее верных руководств к наставлению в православной вере, «под наименованием «Священное Предание» понимается то, что истинно верующие и чтущие Бога словом и примером передают один другому и предки – потомкам...». Однако не стоит забывать: то, что мы сегодня называем Священным Писанием, именно таким образом передавалось от христиан к христианам до тех пор, пока не было записано.

Святой апостол Лука пишет примечательное вступление к Евангелию: «Как уже многие начали составлять повествования



Информационно-просветительский портал Рязанской епархии «Логось»

Здесь вы найдете тексты и видеоматериалы о Церкви, обществе и семейной жизни. Среди видеопроектов портала – рубрики «Евангелие дня» (толкования священников на евангельские чтения), «Отвечают пастыри», «День памяти» (рассказы о почитаемых иконах и подвижниках веры), «Слово Архипастыря» и другие.

Также присоединяйтесь к нам на сайте,
ютуб-канале и в группах соцсетей!
facebook.com/logosrzn/, vk.com/logosrzn



portal-logos.ru

о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк 1:1-4). Из этого вступления мы узнаём, что некто Феофил уже был наставлен в вере, хотя Священного Писания Нового Завета как единой книги ещё не существовало. Однако святой Лука решил записать то, что существовало среди Апостолов пока только в виде предания, чтобы у Феофила было напоминание для всё большего и большего утверждения в христианской вере.

То же надо сказать и о ветхозаветном Священном Предании. Не существовало записанного учения от Адама до Моисея, хотя во времена Моисея оно было записано в книге Бытия по внушению Бога. В новозаветное время Сам Бог, воплотившись в Иисусе Христе, передавал своё учение не в письменном

“ Некто Феофил уже был наставлен в вере, хотя Священного Писания Нового Завета как единой книги ещё не существовало...”

виде, а словом и делом, и лишь через некоторое время Его учение было записано. Православный Катохизис далее повествует: «все истинно верующие, соединённые Священным Преданием веры, в совокупности и преемственно, по устроению Божию, составляют Церковь, которая и есть верное хранилище Священного Предания», или, по изречению святого апостола Павла: «Церковь Бога Живого, столп и утверждение истины» (1Тим. 3:15).

Именно установленная Самим Иисусом Христом Церковь и есть гарант сохранения полноты и неповреждённости Священного Предания, частью которого является также Священное Писание, но не только оно. Святитель Василий Великий пишет об этом: «Кто

из возложивших упование на имя Господа нашего Иисуса Христа письменно научил знаменовать себя крестным знаменем? Какое Писание научило нас – в молитве обращаться к востоку? Кто из святых оставил нам на письме слова призывания при показании Хлеба благодарения и Чаши благословения? Ибо мы не довольствуемся теми словами, о которых упомянули Апостол или Евангелие, но и прежде, и после них произносим другие, как имеющие великую силу к совершению таинства, приняв их из не изложенного в Писании учения. Благословляем же и воду крещения, и елей помазания, и даже самого крещаемого по каким изложенным в Писании правилам?.. Самому помазыванию елеем научило ли какое писанное слово? Откуда и троекратное погружение крещаемого человека? Из какого писания взято и прочее, относящееся к крещению – отрицаться сатаны и аггелов его?».

Таким образом, Священное Предание – это передача Божественного Откровения в Христовой Церкви от поколения к поколению под личным руководством Бога, основавшего эту Церковь, и сказавшего: «Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют Её». И помимо Священного Писания, это, во-первых, передача любого исторического памятника, хранящего Божественное Откровение, такого как постановления Вселенских Соборов или труды святых отцов. Во-вторых, это передача духовного опыта, заключённого в образе действий и личном примере учеников Христа. В-третьих, это передача благодати Святого Духа, некогда сошедшего на Апостолов в день Пятидесятницы и до сегодняшнего дня действующей в епископах, священниках, дьяконах и всяком живущем по вере православном христианине. Однако не всякие изречения и труды святых, а также постановления не всех соборов относятся к Священному Преданию. Как же Церковь отделяет их друг от друга? Церковь уже в первом веке своего существования выработала механизм различения истины от лжи. Но об этом мы поговорим в отдельной статье.



Джон Мартин «Бегство из Содомы и Гоморры»

Жестокый завет? Почему Бог в Ветхом завете так часто карал людей



Александр ШАБРУКОВ, студент отделения Теологии РГУ им. Есенина

Если взять в руки Ветхий Завет, то можно задать вопросом: почему Бог дает человеку заповедь «не убивай», однако Сам посылает повеление на истребление целых народов? Почему происходит гибель человечества во время потопа или племени ханаанских после исхода евреев из Египта?

Некоторые конфессии отвечают на это размышлениями, что идеальный разум Бога никогда не познать человеку, и наше понимание правильных стандартов просто далеко не всегда может совпадать с желанием Божиим. Из этого делают вывод: пусть Бог поступает, как считает нужным, а человеку не положено это обсуждать.

Однако это не ответ на вопрос, а скорее уход от него.

Нужно разобраться, почему Бог допускал гибель большого количества людей. И здесь возникает предположение: может, отдельные народы окончательно потеряли правильное понимание и цели жизни, и так испортились, что ничего, кроме хаоса и разврата и горя для всех людей, уже не могли сотворить?

Ярким примером будут всем известные уничтоженные города Содом и Гоморра. В эпизоде, когда Авраам убеждал Бога помиловать проживающих в них людей, ясно показано: Господь хранит тех праведников, которые тянутся к Нему и желают быть с Ним. И даже ради десяти подвижников Бог готов был оставить грешные города целыми, с надеждой, что эти праведники смогут обратить всех остальных к благочестию и целомудрию. Однако и десяти в Содоме и Гоморре не нашлось.

Каждый подобный эпизод истории несет в себе некий прообраз всеобщего апокалипсиса, который постигнет весь наш мир, когда в людях воцарится крайняя гордыня, порождающая ненависть к ближнему и Богу. Человек своей свободой покорит-

ся желаниям и страстям плоти, а мыслями полностью сам станет подобен дьяволу – каждая мысль против Бога.

Еще одну причину можно описать на примере потопа. Люди допотопного времени питали безразличие к Богу. Они не проповедовали ненависти к Нему – они просто создали налаженную жизнь, которая их устраивала – рай на земле. И поэтому не хотели понимать, что жизнь зависит от Господа, а причины благополучия приписывали себе. Живя в таком окружении, мог бы пропасть и последний праведник: Ной и его потомки. Это привело бы к невозможности воплощения Спасителя и искупления человечества от греха.

Почему Боговоплощение стало бы невозможным? По причине свободной воли человека. Господь не родился бы от Марии, если бы не было на то Её свободной воли, с любовью и доверием устремленной к Богу. Род людской много тысячелетий шел к тому, чтобы в его недрах наконец родилась и выросла кроткая и смиренная Дева, способная стать Матерью Сына Божия.

Софья НИКУЛИНА: «Я сначала долго упрямылась...»

Софья Олеговна Никулина за пределами Рязани известна как поэт и музыкант, автор христианских песен и поэм, часть из которых за популярность уже считают «народными». А еще – как публицист и писатель, автор сборника для детей «Азбука благочестия». Но кроме того именно она – создатель авторского курса «Православная этика», разработанного ею задолго до появления модуля «Основы православной культуры» в системе российского образования. В 2020 году Софья Никулина была победителем Всероссийского конкурса «За нравственный подвиг учителя». Многие из её учеников стали священниками и педагогами, а мы беседовали о её собственном пути к вере и педагогических секретах.

– Можете поделиться с читателем, как Вы пришли к вере?

– Вы знаете, когда я сама пытаюсь анализировать свой жизненный путь – наверное, уже можно так выразиться, все-таки путь довольно длинный – так вот, я понимаю, что мой приход к вере был во многом заложен в детстве, бабушкой.

Бабушка Клава была неграмотной, только умела выводить буквы своей фамилии: Потемкина. Но на самом деле, я бы её назвала Светёлкиной. В своей книге «Азбука благочестия» я привожу несколько воспоминаний о ней – бабушке по материнской линии.

Родом бабушка из рязанских мещан, ее отец был дьячком в Николо-Ямском храме. Она рано осиротела, и отец – мой прадед – женился второй раз на удивительной женщине, которая тепло приняла двоих приемных детей, а потом и своих еще пятерых родила. Это были совершенно простые, но очень верующие, деликатные люди.

– Бабушка с детства воспитывала Вас в вере?

– Она никогда ничего не навязывала: вера тогда была под запретом. Да и мама боялась: просила бабушку «не морочить голову ребенку» – вдруг, мол, из школы выгонят. И бабушка строго, но деликатно в отношении окружающих проводила пост, никогда его не выставяла напоказ. Помню, я удивлялась постному супу: «Бабушка, ну какой же он у тебя

вкусный!» – А она только отвечала: «Да я просто по вкусу посолила». И еще мы всегда ждали, когда бабушка принесет на Пасху освященные куличи и крашенные яйца.

Родители часто бывали в разъездах, работали на Севере. Я и родилась-то в дороге, в случайном селе, где родители оказались проездом – на всю жизнь в паспорте осталось место рождения: деревня Агафоновская Вологодской области. Роды принимал папа, только к концу прибежала какая-то местная знахарка. Так вот, когда мы с родителями приезжали в Рязань, бабушка всегда вела меня в Скорбященский храм. Тогда их только два и было открыто: Скорбященский да Борисоглебский.

Помню впечатление из детства, я тогда была совсем крошечной. Меня причастили, я шла от алтаря, руки сложены, а над мной наклоняются люди и кладут в карман кто конфету, кто печенье – детей тогда в храмах было мало, все очень им умилялись. И вот я чувствовала какое-то уникальное душевное состояние, помню, что подумала тогда: «Я наверное царица!». А ведь действительно: во Причастии мы соединяемся со Христом – мы именно цари и царицы в этот момент! Удивительно, что Господь дал мне запомнить то состояние.

Благодаря бабушке я всегда знала про свои именины. Она приходила с подарком: «А у Софийки-то нашей именины нынче!» Только помню, что совсем



маленькая, слушая житие святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, я всё не могла понять: почему же я – мать, и почему мученица?

Помню, как я в детстве молилась. У нас с родителями была коммунальная квартира – комната 12 метров. Я вставала на колени, когда никого не было, смотрела в окно на небо – икон в доме не держали – и серьезным басом произносила: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Повторив три раза и перекрестившись, я вставала, считая, что выполнила всё необходимое, и собиралась в школу.

– Но во время учебы в советской школе вера наверное не могла угаснуть?

– В школьные годы я рано начала писать стихи, и поэтому лирическое ощущение принадлежности к Вечности тоже достаточно рано было мне открыто. Помню, как лет в одиннадцать, набегавшись зимой, я упала в снег, бросила взгляд на небо. И меня посетил такой восторг! Но

что интересно, я не почувствовала себя маленькой и ничтожной – напротив, это было чувство полета. Тогда же я написала об этом стихотворение, оно было опубликовано в газете.

Так мой внутренний поиск продолжился через творчество. Но какой это поиск? Ты сначала долго ищешь правды и смысла – и заходишь в тупик. Ведь пока нет настоящей веры, жизнь – тупик. Ты упираешься в него и думаешь: «Ну неужели это всё? Вся жизнь? Только закопают, поставят звезду на могиле – и всё закончится?!».

– Педагоги как-то влияли на этот поиск?

– Да, школа дала мне очень много. Наши учителя, даже говоря по программе: «Бога нет», – как бы подразумевали: «Бог есть!» Например, мы обсуждали «загадочную русскую душу» и феномен патриотизма – а в чем она, «загадочность» русской души? В неиссякаемой силе веры, в искании правды, терпении...

Меня очень поддерживала и направляла учи-

тельница по литературе, Христина Васильевна, – совершенно удивительный человек! Она возилась со мной в школе, как мать. Спустя много лет я обмывала её и клала в гроб своими руками...Христина Васильевна прожила сложную жизнь. Её дважды во время войны в оккупации выводили на расстрел. И дважды, как она говорила, «спасал Христос». Всю жизнь она была беспартийной. Её мужа, директора школы, расстреляли, а Христина с двумя детьми после его расстрела долго жила в сарае у какой-то доброй женщины. Она не была воцерковленной в обычном понимании, но безусловно была верующим человеком.

– А когда Вы уже сознательно начали ходить в храм?

– Во взрослом возрасте, уже в конце восьмидесятых, я работала экскурсоводом и много общалась с верующей коллегой – она сейчас монахиня. В её жизни произошло настоящее чудо – история очень личная, но на меня она тогда произвела огромное впечатление. Коллега и убедила меня впервые исповедоваться. Я сначала долго упрямылась: ну как это я чужому дядьке буду что-то про себя рассказывать? Потом однажды собрала, что называется, волю в кулак, взяла листок, и начала писать грехи в столбик – с семилетнего возраста. Написала, свернула в рулон и буквально выпихнула себя из дома. Есть у меня такая черта в характере: уж если решение приняла, то дальше всё – пошла как танк.

Что я испытала после той первой исповеди – словами не передать. Я шла из храма, и казалось, что даже не касаюсь земли – такая легкость! И конечно, меня захватило это ощущение, я стала всё чаще бывать в храме.

А уж когда сына забрали в армию, я просто с колен



не вставала. Шел 1995 год, разгар Чеченской войны, а его взяли в спецназ...

– **Верующим рязанцам Вы в первую очередь знакомы как автор-исполнитель христианских песен и как педагог Православной гимназии, в которой Вы проработали много лет – до 2004 года. Как пришло решение пойти в гимназию?**

– Когда моя дочь, Саша, закончила 1 класс, я услышала по радио объявление про открытие Православной гимназии, и сразу решила, что нужно отдать дочь туда. Пришла в гимназию, познакомилась с завучем – покойной Татьяной Ивановной Зверевой – тогда я впервые при взгляде на неё удивленно подумала: «Как же красиво ненакрашенное лицо!». Сама-то я имела обычный совершенно светский вид. Она так тепло меня встретила! В атмосфере этого тепла хотелось задержаться.

Я в тот момент несколько лет работала логопедом в доме ребенка, а в гимназии стала заниматься как логопед бесплатно. Логопед и тогда, и сейчас – это можно сказать «блатная» работа. Она мне легко давалась – но чего-то начало не хватать. Подсказку нашла у святителя Феофана в его книге «Духовная жизнь и как на неё настроиться». Кстати, отвлекусь, с книгой этой связан забавный эпизод. Я ее покупала еще в самом начале воцерковления, и от слов «духовная жизнь» ждала «чего-то эдакого»: думала, что это будет учебник особых духовных практик сродни медитации – так мало я тогда имела представления о Православии. А начала первый раз читать – разочаровалась: никаких

медитаций, скукотища! И только позже смогла иначе взглянуть на этот текст.

И вот у святителя Феофана я нашла размышление о том, что человеку, даже когда у него всё есть, вечно чего-то не хватает, он испытывает неудовлетворенность и томление. Ведь это – томление духа по Богу. И я поняла, чего не хватает мне! Поэтому когда в Православной гимназии освободилось место завуча, я «набралась наглости» и предложила свою кандидатуру. Меня приняли.

– **Я один из Ваших учеников, и могу признаться, что до сих пор помню огромное количество Ваших уроков, помню образы, притчи, отдельные риторические приемы. В чем Ваш педагогический секрет?**

– Особенного секрета нет. К каждому уроку я очень тщательно готовлюсь: секрет удачного экспромта – хорошая предшествующая подготовка. Важно углубление в тему и неформальный подход. Еще конечно важна интрига. Ученики вспоминают, что я всегда «вваливалась» в класс с какой-нибудь огромной сумкой и что-то новенькое из нее доставала. И у всех сразу блеск в глазах – желание понять, что же там, к чему Софья Олеговна это показывает?

Конечно, приемы в педагогике существуют, но первостепенно всё-таки твое личное участие в жизни ребенка, твой искренний интерес к нему. Важно уметь найти в детях соратников, а не просто прийти – «оттарабанить» урок.

– **Вы стояли у истоков того, что мы сейчас зовем «духовным возрождением девяностых».**

Тогда казалось, что «лёд тронулся», что есть шанс после десятилетий безбожия «перепахать» души соотечественников, просветить и катехизировать «массы». Но прошло тридцать лет, и сегодня уже модно говорить о «кризисе доверия к Церкви», о сокращении числа тех, кто хотя бы называет себя верующим. Наверное, это закономерно: Сам Господь волю человека не переломил и «строительными рядами» в рай никого не загнал. Но всё же: как Вы видите и оцениваете происходящее?

– Я сама тоже задаюсь этим вопросом: чего мы

общаюсь к этому светлому чувству надежды. Ведь что бы ни было – смерти нет, впереди вечность, Господь всё нам дал для спасения. Поэтому сейчас мне близка фраза святителя Иоанна Златоуста: «Не дерзай немощной рукой остановить поток беззакония». Как ты можешь повлиять на весь мир или всю Россию? Никак. Но что касается собственной души и возможности беседовать с близкими, воспитывать детей – Господь нам всё дал.

Но когда я только шла к Богу, была у меня характерная беседа со священником. Помню, как я на полном серьезе спрашивала батюшку: «А как же спасутся японцы? Они же не православные!» И священник отшучивался: «На что Вам японцы-то? Для начала о своей душе подумайте». Вот сегодня я это вполне осознала: сужается «круг беспокойства». Я понимаю, что да – мы не совершили «прорыва», не реализовали «планов громадьи», не сделала, как мечталось, всех учеников «святыми». Например, когда-то давно я планировала открыть две православных гимназии в Рязани: мужскую и женскую,

но сделали для человека! И с каждым из наших воспитанников: и с теми, кто жив, и с теми, кто уже у Бога, время мы, думаю, провели не зря.

– **Сейчас Вы работаете в светской школе. Сложно?**

– В 63 рязанской школе веду ОРКСЭ и ОПК по выбору родителей. Долгое время после Православной гимназии я работала сразу в трех светских школах, бегала по треугольнику: 72, 51, 63... Сегодня уже ноги ходят с трудом, часто думаешь: пора остановиться. Но только подходишь к школе – и ноги перестают болеть, и силы откуда-то берутся. Однажды так к школе подхожу, а откуда-то крик издалека: «Со-о-о-фья Олеговна!». Смотрю – зыбкий школьный хулиган, мой бывший ученик – уже старшеклассник – рукой машет и что-то показывает. Пригляделась – это чётки, а он кричит: «Молюсь помаленьку!». Смешно, конечно. Но ведь помнит...

А еще в одной из школ был трудный класс: много хулиганистых мальчишек, которые плевали в меня из трубочек, стоило только к доске отвернуться.



добились и куда идем. Конечно, есть это постоянное ощущение трагичной в общем-то современной обстановки в мире и нашей стране. Но когда я прихожу в школу к детям, мою тревогу сметают совершенно другие чувства. Господь не зря сказал: «Будьте как дети». Это удивительное детское свойство: когда всё вокруг плохо, у них – всё хорошо внутри. Я много общаюсь с детьми, и наверное постепенно тоже при-

всё «как по-старому». У нас были экспериментальные мужские и женские классы в 51 школе, в чем-то это было полезно, но больших плодов не принесло: время другое, и это пришлось принять. А сегодня уже некоторых моих учеников и в живых нет – но у Господа то они живы! Да, не произошло чего-то грандиозного, мы не удивили мир «духовным возрождением». Мы не сделали чего-то существенного для че-

Мне тогда морально было очень тяжело, казалось – сею в песок. А спустя много лет один из «плевателей» ко мне в воскресную школу привел ребенка, поклонился: «Здравствуйте, Софья Олеговна!». Так что – всё не зря, и слава Богу...

Беседовал священник
Димитрий ФЕТИСОВ,
подготовила
Елена ФЕТИСОВА
Фото из личного архива
Софьи НИКУЛИНОЙ



Протоиерей
Димитрий ГОЛЬЦЕВ,
проректор
по научно-
богословской работе
РПДС

Топография Иерусалима

Что известно о первых жителях и укреплениях древнего города

Иерусалим располагается в сердце Иудейских гор, на вершине горного хребта, образующего бассейн реки, ставшей разделительной линией между Иудейским предгорьем на западе и Иудейской пустыней на востоке. Топографические особенности обеспечили город защитой, так как он построен на вершине горы и его стены опираются на естественные преграды: русла высохших рек и окружающие холмы. Так было с самого возникновения Иерусалима, и в этом причина размытости гра-

ниц города, а также неясности того, в какую сторону он развивался с течением времени.

Город образовался на холме, называемом «Город Давида». Позднее он протянулся на север, включив в себя Храмовую Гору, а потом - в направлении горы Сион на западе, а также до северных холмов. Все они находятся в районе водосбора Кидронской долины. Именно Кидрон и выходящие из него долины определили границы города по всем сторонам.

Источник Кидрона находится рядом с широкой долиной к северу от Старого Города. В этой ее части она называется «Долиной Симеона Праведника»

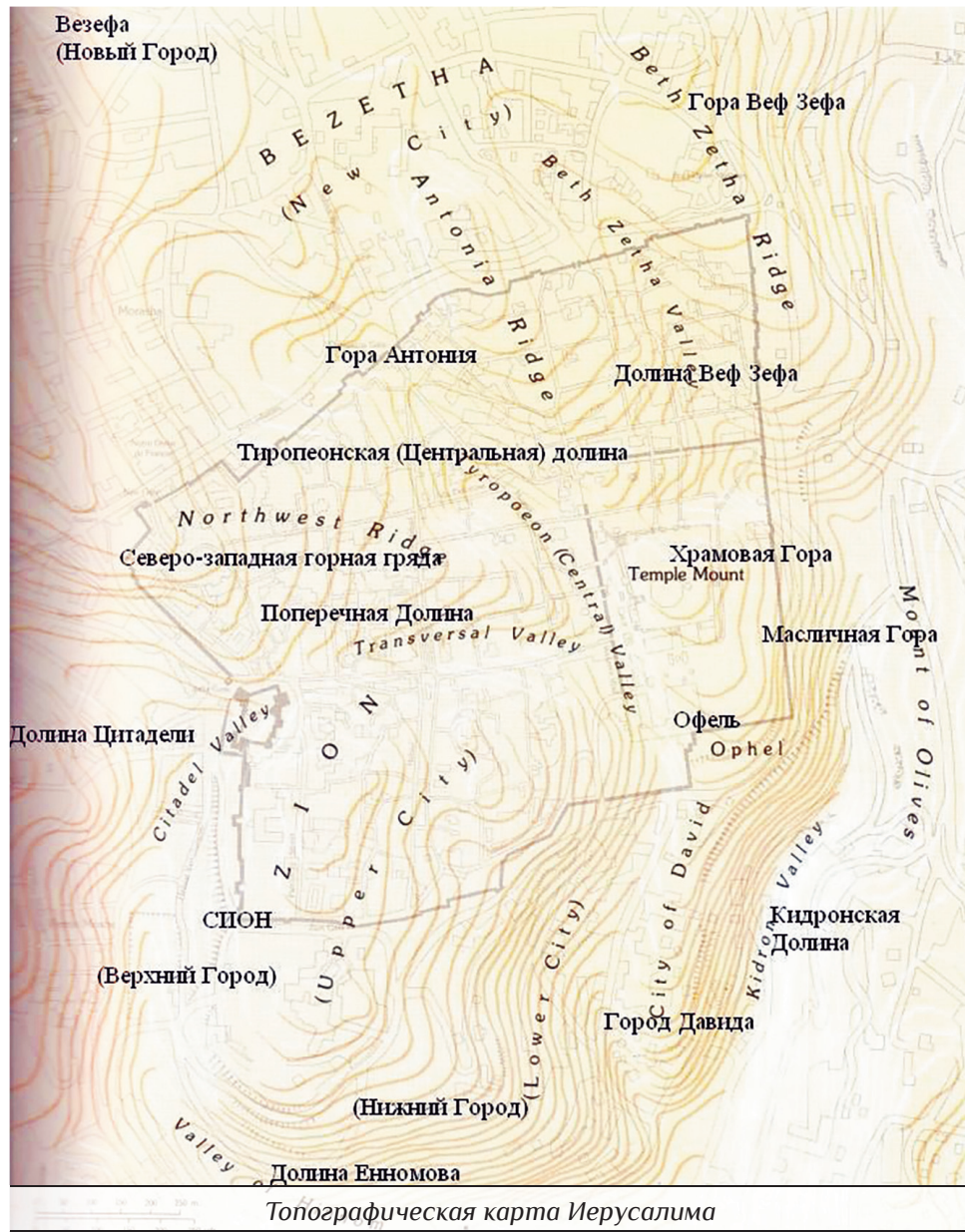
(или «Вади аль-Джоз» по-арабски). Долина продолжается на восток, а затем, спустя небольшое расстояние, идет южнее, простираясь между городом и Горой Скопус, относящейся к Восточному (Масличному) краю. Здесь расположен единственный не пересыхающий летом источник - Гихон. Именно рядом с источником, на западном берегу долины, и был основан город на холме, окруженном руслами долин на востоке (Кидрон), на западе и юге (Тиропеон) и источником внизу. Эти преимущества, возможно, ставшие причиной возникновения на этом месте города, и обеспечили возможность существования

Иерусалима в течение тысячелетий. Таким образом, Кидронская долина всегда оставалась восточной границей города. В конце периода Второго Храма северная граница долины стала северной границей города, поскольку над ней (а именно, над Долиной Симеона Праведника, ставшей естественным рвом) стояла Третья Стена. С юга Иерусалима Кидрон постепенно спускается и доходит до Мертвого моря.

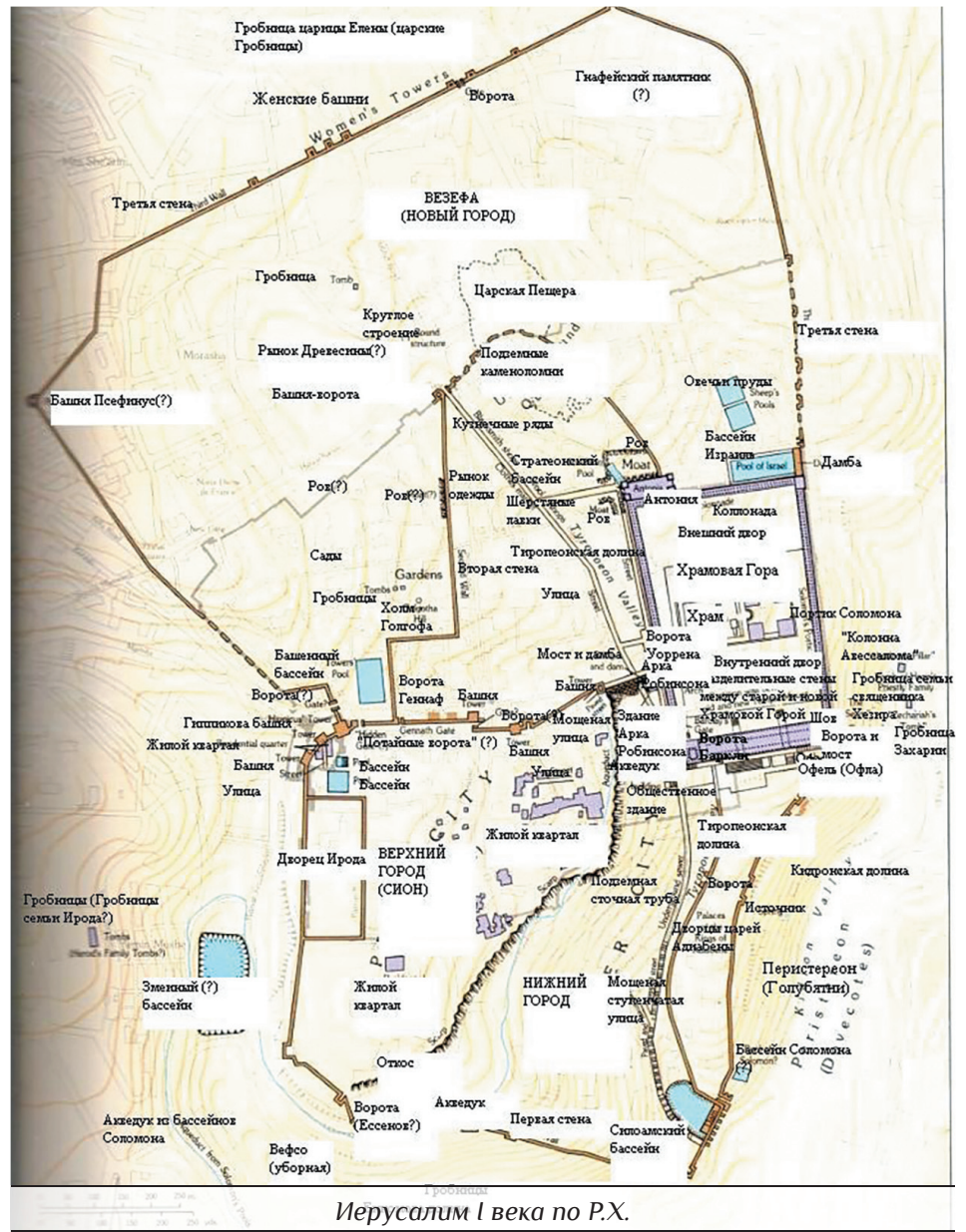
Южнее холма, на котором сначала был построен Город Давида, находится Енномова Долина, переходящая в Кидронскую. Она начинается у современной

Французской Площади, спускается к Яффским Воротам, опоясывает Гору Сион и заканчивается на востоке. Эта долина служила южной и северной границами Иерусалима до 1860 г., когда на западной стороне Енномовой долины был построен квартал Мишкенот Шаананим.

В центре Старого Города начинается Тиропеонская Долина. Единственный раз название «Тиропеон» появляется у Иосифа Флавия. Возможно, это искажение подлинного, неизвестного, названия. Очевидно, Флавий изменил его, чтобы облегчить произношению читателю-неиудею, потому что «Тиропеон» («сыроделы») запоминается гораздо про-



Топографическая карта Иерусалима



Иерусалим I века по Р.Х.



Иевус: реконструкция древнего Иерусалима

ще какой-либо транслитерации непонятного читателю слова. Подлинное название долины к настоящему моменту неизвестно.

Тиропеонская Долина делит город на восточную и западную части. Она начинается в современном квартале Мораша, спускается к Дамасским Воротам, проходит через них, деля город на две части с севера на юг вдоль улицы Хаггай (по-арабски «аль-Вад»), продолжается на Восток до Мусорных Ворот и соединяется с Кидронской долиной севернее точки ее соединения с Енномовой долиной у Силоамского бассейна. Эта долина образовывала западную границу Города Давида, и, с течением времени, здесь была построена западная стена Храмовой Горы («Западная» или «Стена Плача»), а также западное крыло крепости Антония с целью защиты от возможного нападения с этой стороны. В ранней истории Иерусалима Тиропеон был естественной преградой у западной границы города, но, когда город все же начал развиваться, и в этом направлении, был построен мост, соединявший оба берега, а позднее – еще несколько. Последний из них еще существует и носит название «Арки Вилсона».

Долина Веф Зефа (Святой Анны) – самая северная из долин, ведущих в Кидронскую. Она начинается вблизи современной Американской Колонии, затем уходит ниже городской стены, западнее Музея Рокфеллера, пересекает Мусульманский квартал и соединяется с Кидронской долиной у подножия северо-восточной границы

Храмовой Горы. Недалеко от этого места с запада к ней примыкает небольшое ущелье, проходящее сквозь северную границу Храмовой Горы. Направление Долины Веф Зефа определяло расположение северной границы Храмовой Горы (и, следовательно, границу всего города) со времени правления Царя Соломона до построения Третьей Стены во времена Царя Агриппы. Несмотря на то, что она невелика, она наполняется значительным количеством дождевой воды, и ее бассейн питает несколько крупнейших водоемов города: Овечьи пруды (или бассейны Везеды) и Бассейны Израила (по-арабски: Биркет Исраин или Израиль).

Западная часть Старого Города пересекается Поперечной Долиной (единственной из городских долин, идущих с запада на восток). Своё название она получила в силу пересечения основного направления всех иерусалимских долин. Она начинается недалеко от Цитадели и ведет в Тиропеонскую долину в районе площади у Западной Стены. Она образовалась из бассейна реки, как и долина Цитадели (небольшая и глубокая лощина, ведущая в Енномову долину). Эти две долины служили северной границей Верхнего Города, а в период Второго Храма вдоль них шла Первая Стена и, возможно, северная городская (в последние века существования Иудейского царства). Их расположение у воды делало город уязвимым для нападений, и именно поэтому в углах стены Ирод построил

три хорошо укрепленные башни: Гиппик, Мариам и Фазаэль. Еще одна долина, возможно, ограничивавшая расширение города на запад в конце периода Первого Храма, идет вдоль Еврейской улицы в Еврейском квартале (с юга на север) и примыкает к Поперечной долине.

В настоящий момент различимы русла не всех перечисленных долин.

Храмовая Гора и Верхний Город были обеспечены природной защитой, чего нельзя сказать как о холмах на северо-западе города, так и о вершинах Антонии и Веф Зефа – там тоже не было естественной защиты с северной части. В Средние Века предпринимался ряд попыток защитить эти слабые места искусственным путем, что достигалось системой рвов, некоторые из которых существуют по сей день. Их можно видеть вдоль стены между площадью Цахаль и музеем Рокфеллера. Иосиф Флавий утверждает, что северная часть города, окруженная Третьей Стеной, называлась Везефой (Бецетой). Он же упоминает о том, что крепость Антония от северного расширения хребта Антония отделялась рвом. Этот ров действительно обнаружен в процессе недавних археологических раскопок в Мусульманском квартале, в Монастыре Сестер Сиона и к западу от него. Однако, очевидно, что название «Везефа» относится к целому району севернее современной стены Старого Города, включающему все горные хребты. Именно по этой причине долина и хребет восточнее Антонии носят название Веф Зефа.

Первое поселение в Иерусалиме возникло на холме, который в настоящее время носит название Города Давида, несмотря на то, что захоронения этого периода были найдены вне его пределов – за внешними границами входивших в него долин. Речь идет о немногочисленных археологических находках, относящихся ко времени энеолита (четвертое тысячелетие до Р.Х.), что значительно осложняет попытки установить точную дату возникновения первого заселения этого места.

Первые люди появились здесь в Раннем Бронзовом Веке (около 3000 лет до Р.Х.). При раскопках обнаружены остатки квадратных жилищ с длинной стеной, в которой был проем. Внутри вдоль стен шли полки, а потолок поддерживался одной или двумя колоннами. Поселение было уничтожено, и в первой половине Среднего Бронзового Века заселено заново. Теперь оно представляло собой временные строения и носило ярко выраженные черты племенной организации. Свидетельство этому – захоронения, обнаруженные в деревне Силоам.

Процесс превращения временных заселений в постоянные, а затем и в настоящие города описан в египетских Текстах Проклятий, в которых перечислены города земли Израила и их правители. Ранние Тексты Проклятий, датированные XX в. до Р.Х., сообщают о нескольких правителях в каждом городе. В более поздних текстах, относящихся к XIX в. до Р.Х., упоминается только об одном или двух правителях в каждом городе. В более ранних фрагментах встречаются имена двух правителей Иерусалима: Шас`ан и Й`кар`ам, позднее сообщается только об одном. От его имени сохранился только первый слог «Ба...». Об истории Иерусалима того времени мы можем судить только по этим двум источникам.

Подтверждение этому находится в Письмах эль-Амарны (XIV в. до Р.Х.) – основном источнике информации об истории того периода.

Из этих писем, написанных ханаанским царем Иерусалима по имени Абди-

Хепа, мы узнаем, что его царство простиралось на значительную часть северных Иудейских гор.

Самое раннее свидетельство о плотности заселения холма, на котором стоял Город Давида, относится к XVIII в. до Р.Х. На его восточном склоне были обнаружены руины городских фортификаций, включавшие в себя часть стены и то, что, вероятно, служило большими воротами, от которых сохранилась всего часть башни. Эту башню раскопали недалеко от источника Гихон и, возможно, именно она была частью Ворот Источника, бывших одними из наиболее важных в городе. Эти ворота и башня уцелели вплоть до разрушения Иерусалима Навуходоносором.

Так Иерусалим стал укрепленным ханаанским городом-государством, расположенным на холме, как и большинство главных городов Израила.

В XX в. до Р.Х. военный дух Иерусалима находился в упадке. Его царь, Адониседек, в битве против Иисуса Навина возглавил союз царей юга страны (Нав. 10:1) и потерпел поражение. В книге Судей все же есть ссылка на то, что «сыны Иудины... поразили город мечом и предали его огню» (Суд. 1:8).

Слабость ханаанского города привлекла новых жителей – иевусеев. В Библии есть несколько упоминаний о происхождении этого родственного хеттам народа, столь изменившего страну. Например, «и скажи: так говорит Господь Бог дочери Иерусалима: твой корень и твоя родина в земле Ханаанской; отец твой Аморец, и мать твоя Хеттеянка» (Иез. 16:3) и далее, в этой же главе стих 45: «Мать ваша Хеттеянка, и отец ваш Аморец». Орна – правитель Иерусалима времени Давида – тоже хеттское имя, как и Урия Хеттеянин – потомок иевусеев, живших в городе до завоевания его Давидом. Иевусеи преобладали в городе в течение примерно двухсот лет, и упоминания о них встречаются в Библии неоднократно. Раскопки в Городе Давида выявили мало археологических находок, относящихся к этому периоду.

Тайная Пасха



Елена ПУХОВА,
руководитель
Центра
гуманитарной
помощи «Общее
дело» при храме во
имя иконы
Богородицы
«Всецарица»,
г. Рязань

Я росла в семье, где не говорили о Боге. Да, иногда мы забегали в храм, обычно, когда освящали крашенные яички и куличи, ставили свечи, крестились неумело. И убегали под недовольными взглядами старушек-служек. Мои мама и папа никогда не посещали со мной богослужений.

Пусто в сердце

Что поделать, мама росла в то время, когда по домам ходили патрули из самых ответственных комсомольцев – у кого увидят в доме иконы, того не допустят до уроков в школе на неделю. Мама нравилось учиться. Патрулей боялись. Иконы прятали на чердак.

Папин папа еще на фронте был парторгом. Они с бабушкой даже сыновей своих не крестили. Папа сам сделал этот шаг, когда Таинство совершали над первенцем моей двоюродной сестры. Меня тогда в храм не взяли – мала еще. Я гуляла во дворе со старшими ребятами и остро чувствовала, что сейчас происходит что-то очень важное. И я никак не должна быть тут, только там, только там.

Лишь мамина мама – бабушка Катя – тайно водила меня крохой причащаться в Борисо-Глебский храм. Я мало что понимала, но чувствовала торжественность момента. А потом мы возвращались к ба-

Среди всех праздников Пасхи некоторые запоминаются особо

бушке, и она укладывала меня спать. И во сне я видела горящие свечи, золото икон и снова свечи. Тысячи свечей, которые горели на подсвечниках и просто висели в воздухе.

Брат мой – очень правильный мальчик – тоже в Бога не верил, потому что так учили в школе. Одна я была тем самым уродом, без которого, согласно поговорке, семьи не бывает. Я искала Бога. Как это делают дети? Представляют кого-то могущественного, заботливого и любящего, кто главнее мамы и папы, для кого ты не станешь разочарованием, даже если очень сильно напроказишь. Да, меня пугали, как и всех, словами, что «Бог накажет». Но для меня это было сродни словам: «Вот я тебя крапивой!» – а крапивой-то никто никогда не стегал. Поэтому и в то, что Он накажет, сильно не верилось.

Зато временами очень сильно ощущался недостаток Его любви. Не от того, что Бог вдруг стал любить меня меньше. Просто это я заигралась, совершила что-то нехорошее. И мне стыдно, и хочется спрятаться от Всевидящего Бога, и даже от Его любви.

Кто меня этому научил – жаждать Бога, знать о Нем, ощущать Его, как безграничную Любовь и мудрость? Неужели та самая малограмотная бабушка Катя, которая и читала-то с трудом, всегда вслух, шепотом? Возможно, я даже видела, как она молилась перед иконами. Но я старалась не подслушивать, а по возможности покидала комнату. Сам процесс обращения к Богу мне казался настолько интимным, что оставаться было все равно, что подслушивать. Как она сумела поселить в моем сердце веру? Ведь я точно знала с самого маленького возраста, что без Бога все вокруг бессмысленно и пусто.

Пока нет мамы дома

Однажды весной мы с папой собрались на ноч-



Фото: Марина СТРОТОВА

ную службу. Мамы дома не было – она бы не одобрила нашу аферу. На дворе стояла середина «лихих 90-х», когда даже днем нельзя было быть уверенным, что вернешься домой живым и невредимым. А мы пошли, да еще в ночь, да еще в церковь. Сколько мне тогда было? Десять-одиннадцать лет? Вокруг Борисо-Глебского храма бушевала толпа. Я увидела ярко накрашенные лица старших девчонок из нашего двора. Они были тут со своими друзьями. Все что-то выпивали, кричали глупости и вызывающе себя вели.

Вокруг церкви стояли в ограждении милиционеры. Я пребывала в таком растерянном состоянии, что даже не поняла, как мы миновали кордон, и почему нас с папой пустили в храм.

А там! Свечи, звуки хора, как ангельское пение, цвета, запахи. Все это захватило меня с головой. Певчие поднимали из самой глубины моей души какие-то сокровенные чувства, встряхивали от мути и пыли и несли выше, выше прямо к высокому куполу, а то и еще выше. Папа шепнул, что в хоре поет его

знакомая и, если я захочу, меня тоже научат. Петь, петь в храме! Это было самое тайное и жгучее из всех желаний! Но я лишь отрицательно покачала головой – как можно! Чтобы так и тут петь, нужно самой быть почти ангелом. И я так остро почувствовала свое недостойнство.

Но долго грустные мысли не занимали мой ум. Народ пришел в движение. Огромная толпа скандируя «Христос Воскресе!», готовилась хлынуть на улицу на Крестный ход. Народу было столько, что меня смяли бы, не заметив.

Живой щит

Но тут из толпы появились бритоголовые ребята – они сцепились локтями и образовали живую цепь. Широко расставив ноги, они приняли на себя буйство движущейся толпы, ограждая тех, кто еще оставался в храме. Папу отгеснили. Меня просто никто не замечал в этой давке. «Держись сзади меня!», – услышала я не то рык, не то стон. Молодой худенький бритоголовый парнишка в сером пиджаке, лет шестнадцати-семнадцати. Его лицо исказила гримаса – сдерживать больших взрослых людей ему было сложно. Я аккуратно схватилась за полы его пиджака, спряталась. Не богатырь, но его спины хватило, чтобы закрыть меня, пока не минует опасность.

Только когда я пряталась за ним, время текло иначе – долго и тягуче. Тогда мне показалось, что Сам Господь встал в живую цепь и закрыл Своей большой доброй спиной и меня, и этого мальчишку. А он потом лишь проверил через плечо, что я жива, и ушел. Меня нашел папа, мир стал привычно-безопасным.

Позже мы уходили из храма оглушенные, празднично-веселые, ликующие. Я до самого дома несла горящую свечку. Весенний ветер, с удовольствием гонявший пыль по пустым улицам, благоговейно стихал, давая нам пройти, и начинал свои игры за нашими спинами.

Я несла домой горящую свечу с Пасхальной службы. Мне казалось, что, если огонь не потухнет до самого дома, то все обязательно будет хорошо. Что хорошо, с кем? С мамой, с папой, с братом, со мной и с тем незнакомым паренком, что защитил меня от толпы.

В моей семье не говорили со мной о Боге. Я не ходила с родителями на воскресные богослужения. Но в моей памяти есть чудесная Пасхальная ночь, которую мы провели с папой в храме. И там Сам Господь, которого я так искала, коснулся меня, всех моих чувств. Ослепил, оглушил, сделал пустой и наполнил до краев Своей Любовью. Ее, эту самую любовь, а не свечку, я несла тогда аккуратно до дома, боясь расплескаться.

Воскрес ли Христос для меня?



Алексей ЗЕНКИН,
студент
отделения Теологии
РГУ им. Есенина

Подходит к концу евангельская история. Тот, «на Негоже не смеют чины Ангельстии взирати», теперь не только находится на Земле, в образе человека, но и во Гробе, умерщвленный людьми, для спасения которых и сошел с Небес. Но вот заканчивается Полунощница Великой Субботы, и Святая Плащаница, которую как изображение умершего Христа вынесли в Страстную Пятницу в центр храма, заносится в алтарь и полагается на престоле. Храм погружается в таинственную тьму и народ замирает в ожидании.

«Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем Тебе славити», – слышится тихое и нарастающее пение из алтаря, и вот его подхватывает хор и все молящиеся. С этим пением крестный ход выходит из храма, знаменуя собой путь жен-мироносиц ко Гробу. Торжественное шествие останавливается перед закрытыми дверями храма и все замолкает. Наступает минута полной тишины, последняя минута тишины Великой Субботы.

Господь во гробе, смолкло Божественное Слово и поэтому: «молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом». В



Фотос: никола-ямской-храм.рф

эту последнюю минуту перед взрывом пасхальной радости у нас, как у тех женщин, пришедших рано утром ко гробу своего Божественного Учителя, возникает вопрос: «Кто отвалит нам камень от гроба?» Произойдет ли еще раз это чудо? Наполнится ли светом эта ночь, станет ли она вновь светлее дня?

И оно происходит. Раздается торжествующий возглас, несущий в себе весь смысл Человеческой истории: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» – отвечает собрание людей, и все входят в открывающиеся двери залитого светом храма. Поется пасхальный канон. В алтаре, символизирующем собой погребальную пещеру, на престоле поверх Плащаницы лежит Святое Евангелие в знак того, что Тела Христа здесь больше нет. И священнослужители, словно ища Его, интенсивно кадят алтарь. Но не находя Тела, они «вылетают» к стоящим в храме и возвещают: Он воскрес!

Этими жизнеутверждающими словами: «Христос воскрес!» – христиане будут встречать друг друга на протяжении 40 дней, но далеко не

всегда в них вкладывается полное осознание произносимого. Случается, что эти слова становятся всего лишь праздничным приветствием, без понимания того факта, что в этих двух словах сосредоточена основная мысль и главный посыл всего христианского вероучения! Что же мы имеем в виду, когда произносим это пасхальное приветствие?

«Ныне все исполнилось светом: небо и земля, и преисподняя...», – ликует Церковь в эту спасительную ночь. Но вот пасхальная ночь проходит, и все возвращается на круги своя. Вроде бы мы «смерти празднуем умерщвление, адово разрушение», но люди продолжают умирать. Все живут прежней жизнью, несмотря на то, что празднуем «иногития вечнаго начало». И здесь мы возвращаемся в ту самую последнюю минуту тишины Великой Субботы и спрашиваем себя: «А воскрес ли Христос?»

Речь конечно же не идет об оспаривании факта Воскресения, без которого не только тщетна вера наша и проповедь (1Кор. 15.17), но и сама жизнь. Речь о том, воскрес ли Христос лично для нас и как это влияет на нашу жизнь?

Зачастую евангельское повествование воспринимается нами только как красивая нравоучительная история, но ведь это совершенно не так. «Грядет Господь на вольную страсть, нужно и нам шествовать Ему», – говорит святитель Феофан Затворник, продолжая мысль отпуста Страстной Седмицы, то есть необходимо следовать за Христом от Вифании до Иерусалима и Голгофы, участвуя в богослужении, вспоминая ключевые моменты человеческой истории.

Только после этого можно с полной радостью петь пасхальный канон, где как раз и говорится: «Вчера я погребался с Тобю, Христе, сегодня восстаю с Тобю воскресшим». Только тогда, представ перед закрытыми дверями храма в пасхальную ночь, можно будет всем сердцем ощутить: «воскреснет Бог, и расточатся врази Его», и пасхальное приветствие станет не только буквой, но и самой жизнью. Потому что «Воскресе Христос, и жизнь жительствует. Воскресе Христос, и мертвый ни един во гробе». Тогда на эти ликующие слова с полным осознанием произошедшего можно будет ответить: «Воистину воскрес Христос!»

Много хорошего возникло в процессе взаимодействия между людьми. При жизни в коллективе человек старается не конфликтовать и уступать старшим место в транспорте, воздерживаться от площадной брани и не воровать, не блудить и не напиваться на работе. Просто потому, что косо посмотрят остальные. Или работодатель. Или правоохранительные органы.

Правила приличий можно смело называть одним из самых важных достижений цивилизации. Они хороши для жизни в обществе. Но спасет ли это нашу душу?

Можно ослепительно улыбаться и быть в глазах мира очень приличным человеком, но для Бога - мерзостью. Пример: фарисеи, которых Христос назвал «гробами окрашенными». За приличностью слишком часто прячется двуличность и гордыня. «Благодарю Тебя, Боже, что я не такой как прочие человецы», - говорит она. Только близкие люди знают, какие демоны кроме фарисейства прячутся у человека - в том числе и у меня - под повседневным костюмом.

Но есть еще одно. Ты можешь быть действительно хорошим человеком. Из внутренних побуждений ты не лжешь, не воруешь, почитаешь родителей и любишь исключительно жену - свою, разумеется. Но если тебе Бог «до лампочки», если ты в жизни лба не перекрестил - неужели эта «хорошесть» тебя введет в Рай? Неужели Бог будет тебе - хорошему - навязываться? Не будет. Бог очень деликатен. Не хочешь Его знать - твой выбор. А потому, после смерти пойдешь ты, хороший человек, не в Рай, где все - плохие, кающиеся грешники, а в ад - где масса замечательных людей. Кого там только нет! Великие политики, исполнительные военные, талантливые художники и музыканты, сплошь энциклопедисты и насмешники. В глазах современников они были выдающимися людьми и легко жили по своим

Неприлично приличный

Как попасть в рай «хорошим людям»?



Foto: pixels.com

правилам. В аду, где присутствие Божие минимально, — те, кому проще было не обращать на Бога внимания.

Все очень просто: прожил без Бога - и остался без Бога в Вечности. А в Раю только те, кто выбрал трудный путь жизни в вере, надежде и любви Христовой... Рай - это же, собственно, не место на карте - это состояние: пребывание с Богом, а ад - пребывание без Него. Что же спасает человека? Спасает от ада? Наверное, все-таки не что, а Кто. Спасает Бог.

Но Бог не может нас спасти вопреки желанию. Какими бы я ни был хорошим человеком, без моей любви к Нему, любви, которая превышает чувства семейности, патриотизма, коллективизма и прочих «измов» - без Любви, которая превышает все земное, Бог не может мне сделать Небесный подарок - дать Самого Себя. А с Собой - то, что называет-

ся Благодатью: силой быть человеком! Настоящим! Не маской приличия - а подлинным собой! Без Христа в сердце ты просто не вместишь подарок Благодати. А без Бога, без Его благодати, что ты и кто?

Можно быть идеалом: чисто выбрит, в голове Ван-Гог и Рафаэль, мухи в жизни не обидел... Но придет смерть, и что? Все это земное. Как костюм, который на нас надет. Износился костюм - отправляется на помойку. Телом, рефлексам и привычками мы только земля, часть биосферы. В землю и возвратимся со всей своей приличностью.

Но ведь я же больше тела! У меня есть душа!

Да, есть душа. Но что в ней? Когда нас смертельно обидели, плюнули в лицо - как мыотреагируем? Чаше всего готовы размазать обидчика по стенке! Во всем

своим праведном гневе! Как далеко это от призыва Христа «любите врагов ваших»! Куда пойдет такая душа? К Богу, Который Сам - Чистота, Милосердие и Кротость? Или в бездны адовы, где нет места прощению и милосердию?

Воспитание и правила приличия - очень неплохая вещь. Они помогают людям не причинить вред друг другу. Например, при приступе раздражения. Но они - внешнее, земное.

А потому правила приличия мало что значат перед Богом. Без Бога внешняя приличность — пшик. Для Бога главное то, что у тебя или у меня внутри. Каков ты или я на самом деле. Какое сердце у человека? Отдал ли ты Ему это сердце? Помог соседу, посетил больного, накормил голодного? Или замкнулся на своей хороше- сти со всем ее эгоизмом?

Как часто человек забывает, что земное бытие - путь в Вечность! Забывает, что наша планета - лишь гостиница. Школа любви к Богу и ближнему. Забывает, надевая маску приличия и успокаиваясь на своей «хорошесть», а если прямым текстом - эгоизме. Такой человек незаметно для себя становится дерзким богоборцем. Замыкаясь на себе, он не принимает непреложной истины, что путь во спасение и Рай - путь следования за Христом, путь отвержения себя, путь Креста. Только узкие и тесные врата богопознания и отказа от эгоизма ведут в Царство Небесное. Не просто внешнее воздержание от блуда, а внутренние чистота и целомудрие. Не просто лицемерная улыбка обидчику, а кроткое сердце, сострадающее ему. Не просто отход от врага под лозунгом «не кусай меня», а реальная, иногда вполне материальная помощь ему!

Если нет сил, нет этих добродетелей, растеряли их и детям не передали, то только смиренное мытаря, его покаянный глас может очистить погрязшую в похотях душу и омыть прокаженное грехом тело. Не лицемерие приличий, а поворот от греха - к Богу. То покаяние, которое восклицает: «Боже, буди милостив ко мне, грешному!». То покаяние, которое, как трава сквозь асфальт, прорастает сквозь правила приличий и устремляет глаза души с греха - на Христа. И идет с Ним рука об руку - в Царствие Божие.

Тело - земле. Приличия - приличным. А душу - Богу.

Александр ИЛЬИНСКИЙ

По материалам <http://portal-logos.ru>